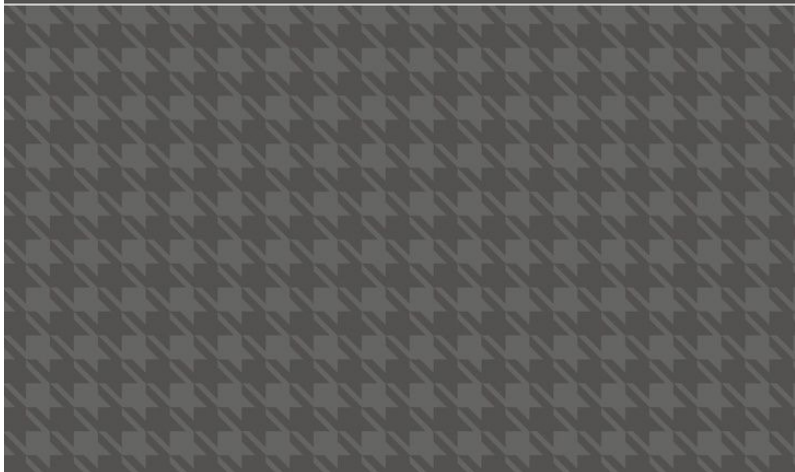

18+ Владимир Бреднев

Хороший ученик

повести и рассказы

Владимир Бреднев
Хороший ученик.
повести и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18400721

ISBN 9785447469375

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Быть решительным, идти напролом, ни о чем не жалеть и быть всегда на коне? Или усомниться и проиграть? Остаться верным клятве и погибнуть? Или жить дальше, позабыв грех предательства? Непростые вопросы для простых людей. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Хороший ученик	5
Послезвучие вальса	23
1	23
2	30
3	36
4	42
5	45
6	47
7	51
8	55
9	57
10	59
11	61
12	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Хороший ученик повести и рассказы

Владимир Бреднев

© Владимир Бреднев, 2016

ISBN 978-5-4474-6937-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хороший ученик

В девяносто четвертом Виктору Баеву было двадцать два года, он был старшим лейтенантом Н-ской воздушно-десантной штурмовой бригады сто одиннадцатого Н-ского воздушно-десантного полка. Форма на Викторе сидела, как влитая. Жена по утрам поправляла берет, целовала в щёку и говорила: «Красавец!»

В первых числах января девяносто пятого, когда Виктор со своей ротой вырвался из окружения «чехов», и в изодранном, прожжённом камуфляже стоял перед толстым, красномордым полковником из центра, он тоже услышал: «Красавец!» Какую струну задело это слово в Викторе, он тогда своему командиру объяснить не мог. Только полковника сдернуло с грешной земли и бросило на ящики, опрокинуло на пол. Адьютант за пистолет схватился. Боевые офицеры по стойке «смирно» замерли. Полковник вскочил, орал, подбитый глаз рукой трогал и орал ещё громче, до визга: «Под трибунал!»

Но трибунала не было. Полковник улучил момент, когда в городе наступило затишье, забрал с собой адъютанта, документы, какие успел написать, сел в «УАЗ». И тут откуда-то ухнул выстрел, прогудел над позициями «Шмель» и поднял «УАЗик» на воздух. От полковника только один погон наши. Баева ещё день подержали в кутузке, а потом выгнали

на передовую, с глаз долой.

Через какое-то время Виктор заметил, что с удовольствием делает своё дело. Нет, не просто командует, а командует там, где война. Почти каждый выход штурмовой группы – это бой. Бой ближний, когда не абы как и абы в кого, а лицом к лицу. Всадит лейтенант штык-нож в мягкое податливое тело, под вздох, боевику, и ни один мускул на лице не дрогнет, бросает финку – с оттяжкой, порой на спор, между лопаток, бьет из АК – в голову, чтобы мозги по стенке. А на привале ест хорошо, тошнотой не мучается, спит отменно – без снов.

Получил отпуск, поехал в родной город. Из смрада войны, да в красивую жизнь. В городе какие-то другие понятия. Люди другие, воздух другой, ночи другие. На войне всё представлял, как вернётся, как в дверь позвонит, как ему его родная благоверная откроет, к груди припадет, слезу смахнет. Ещё до войны в книжках об этом читал, в кино видел. Пришёл, а дома нет никого. Сел на ступени. Люди идут, сторонятся. Ни кто ты? Ни здравствуйте! Отворачиваются и мимо проходят. К вечеру жена вернулась. Застыла на нижней площадке.

– Дочка где?

– К маме отправила. Завтра съезжу.

Пока мылся в ванной, жена суетилась, бегала по кухне, сковородой гремела. Запахи, чад, вино на столе. Только садись, солдат милый, пей чарку, закусывай домашним да ступай почивать, дожидайся жену. Нет, ведь. Взыграло.

Схватил, смял, содрал всё, что под юбкой было, опрокинул на стол. Потом стало тошно, стыдно и больно.

Всю боль в вине утопил. Проснулся утром, а жены уже нет. На тех же ступенях дочку увидел. Поднял над собой, прижал крепче, опустил на каменный пол, к матери подтолкнул. Жена стоит, слова не говорит. Думал, узнает, что он снова на войну поехал, запричитает, к ногам кинется, держать станет, а она спросила: «Уходишь?»

И он соврал, что от военкома посыльный был. Срочно ехать надо. Соврал и уехал. Пока поезд до Моздока шёл, Виктор пил. Сидел в купе, доставал из вещмешка бутылку водки и в пять приёмов осушал. Потом отворачивался к окну и, молча, смотрел, как тянется за окном сначала бесконечный лес, потом ровная, без края, степь, потом должны были быть горы, но за окном текла ночь.

Был ещё год. Генералы войну проигрывали, а капитан Виктор Баев не хотел проигрывать своих маленьких сражений. И не проигрывал.

Вытащил он как-то из-под «Урала», перевернувшегося на легком фугасе, мужика лет шестидесяти. Шофёра. И тот оказался русским. Жил с боевиками, жратву им возил, боеприпасы, иногда самих переправлял, куда скажут. Но это потом Виктор узнал. А сначала приволок несчастного на свой пост, спирту в рот вылил, чтобы в чувство пришёл, санинструктора заставил царапины промыть, раны перевязать. Но-

чью шофёр очнулся, спасибо сказал. А потом шёпотом, чтобы ребята спящих не разбудить, поведал Баеву самое главное:

– Никогда им не верь. Они договариваются только между собой. С тобой – никогда. Или только в том случае, когда силу почувствуют. Сегодня ты для них враг. Гостя обидеть грех, врага убить – вечная слава. Так что, если на одной тропе он и ты, в твоих руках автомат, а в его – посох, стреляй первым.

– Поаккуратней!

– Тебя всё равно должны сгрызть бродячие собаки. Чем чаще ты будешь нажимать на курок первым, тем позднее это произойдет.

– Ты, мужик, головой ударился, видать?

– Я с ними всю жизнь прожил, вот до этой минуты с ними прожил, – дальше шофёр поведал о боевиках, выездах, подорванных федералах.

– Ты же русский, – в Баеве бушевал смерч.

Рука давно ухватила рукоять боевого ножа, вложенного в ножны, вшитые на штанину по щиколотке. Только выдержать и воткнуть в глотку, чтобы заткнулся.

– Это фамилия у меня русская. А жизнь вся с ними. Правильная у них жизнь. Понял! Без сомнений. Сказано: «Вот так!» – и кочевряжиться не надо, – шофёр вытянул из штанины осколочную гранату, ухватился за кольцо.

При виде гранаты человек всегда столбенеет. Или с ума сходит. Баев знал. Мальчишки приходили из плена. Поме-

шанные. Им в руку вкладывали гранату, вырывали чеку, руку совали в штаны и перепоясывали. Устанут пальцы, разожмётся рука, скобка на запале отлетит, и всё! Всё! А мальчишки боялись, что не смогут с девочками дружить.

Не зря нож при Баеве был. Не успел шофёр чеку вырвать. Так и остался лежать. В одной руке граната, палец другой в кольце, а в грудь, там, где сердце, нож воткнут, и рукоять – крестиком. Те, кто первый раз в командировку приехал, утром чуть с ума не сошли. А Баев сидел за столом, сколоченным из крышек снаряжных ящичков, смотрел на повара и громко спрашивал: «Котлеты сегодня кто-нибудь есть будет? Ну и хрен с вами. Клади еще»!

С тех пор Баев нажимал на спусковой крючок первым. Ни сердце, ни мозг не терзались сомнением, что перед стволом автомата были живые люди. Виктор убивал методично и сноровисто, как когда-то бойщик дядя Лай бил несчастных коров. Иногда Виктор вспоминал эту картину из далекого детства. Родители получили новую квартиру. На девятом этаже. И плевать им было, что балкон и окно детской комнаты выходили на территорию колбасного завода с полным циклом переработки. Витька вернулся из школы и услышал мычание коров. В городе. Он выскочил на балкон. Крошечный человечек загонял корову в какую-то тесную клетку, заходил в неё сам. Корова успевала взреветь и падала, подгибая передние ноги. Человечек что-то вытирал тряпицей и выходил, а корову за задние ноги уже поднимал кран, чтобы та-

щить по воздуху в серебристый ангар. На другой день Витька нашел дырку в заборе и пришёл к человечку. Лицо у того было таким же, какие рисуют в учебниках истории к рассказам о монгольских захватчиках. На голове аккуратная шапочка, поверх черной рубашки – телогрейка, штаны черные, а туфли серые, из туфель на штанины ткань намотана. Как у киношных красноармейцев времён гражданской войны.

Витька сказал, что его зовут Витькой и что он из этого дома. Человечек ответил:

– Лай. Дядя Лай.

Потом спросил:

– Уцитца плишол? – и добавил, – Уцитца нада халашо.

Смелть должна быть лехкой.

Ещё Виктор помнил, что он всю ночь не мог уснуть. Стоило сомкнуть веки, как вставали огромные синие коровьи глаза, которые только что блестели живым блеском, а потом вдруг останавливались и делались мутными. И он хотел отомстить за эти глаза дяде Лаю. Но не знал как. Наверное, в десантное училище пошёл только из-за того, чтобы можно было наказать обидчика каким-нибудь таким приёмом, который сразу показывал, кто есть кто.

Всю первую войну Баев обходился без приёмов. Автомат лучше расставлял точки над «і».

Когда генералы войну всё-таки свернули, и принялись оттирать свои мундиры от копоты, слез, крови и собственных соплей, Виктор не поехал домой, а написал рапорт, чтобы

его перевели на военную базу, поближе к «духам» или дали возможность попасть в ограниченный контингент миротворческих сил в Югославии.

Но командование полистало документы, спросило о семейном положении и отправило служить в учебный батальон. По прибытии на место Виктор узрел, что военная база новых вооруженных сил Российской Федерации только начала своё существование, огородившись по периметру рядами колючей проволоки и воздвигнув в дальнем углу три «коровника» – казармы для рядового состава, офицеров и штабной корпус. Присутствие супруги на базе не предусматривалось.

Потом от матери пришло письмо. Про своё здоровье и жизнь она написала пару предложений, все остальные были посвящены мучениям снохи, сиротинушки-дочки, и ещё кого-то третьего, скакавшего, мельтешившего среди строк. Первым порывом было сейчас же написать рапорт и выпросить у начальника части несколько суток отпуска. Но вечером, сидя за общим столом, Виктор вдруг отчетливо понял, что ехать домой, значит, ехать в тюрьму. Там, дома, «Шмеля» под рукой не будет. Значит, его посадят за убийство кого-то третьего, кто так и не открылся между строк материнского письма. И он недрогнувшей рукой написал: «Мама, передай Ленке, пусть подает на развод. Не склеилось»! От матери письма не последовало, а в штаб пришли официальные бумаги, которые Баев подписал и выслал назад. Заместитель командира части по воспитательной работе вызвал

Баева в кабинет: «Херово, товарищ капитан, с моральным духом. На представление, понимаешь, не рассчитывай».

Баев кивнул, спросил разрешения идти.

– А бордель из части я устраивать не позволю, – замком подумал, чем бы закончить воспитательное мероприятие и добавил, – е... сь по Уставу надо, давно бы в майорах ходил!

– Не имел возможности, – гаркнул Виктор, и спросил – Разрешите идти?

– Ещё десантник, – возмутился подполковник и махнул рукой, иди, мол.

Когда объявили, что террористов будут мочить в сортире, многие офицеры затосковали. Они понимали, что новой войны не избежать. А Баев обрадовался. Искренне.

В первый день новой войны он собрал бойцов новоиспечённой роты, десантников второго года службы.

Бравые парни с татуировкой на плечах поприветствовали нового командира, а когда он разрешил сесть, расположились вальяжно, всем видом показывая, мол, многих видали, что ты, капитан, скажешь.

– Первое, бойцы, что запомним навечно, дедов и салаг здесь нет! Стираем сами, подшиваемся сами, сортиры драить придётся – сами. За первую провинность наказываю, во второй раз учу салагу: Пуля—дура, а тут война!

Парни примолкли. Не лукавил капитан – правду говорил.

– Второе, на заданиях сопли не жевать. Чужому на земле

не место. Человеколюбие оставьте для родных и близких.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться?

– Валяй, старший сержант!

– А если он мирный?

Баев выдержал паузу.

– Для глухих и непонятливых. Во время задания чужому на земле не место, иначе на вас напишут цифру двести, и вы никогда ничего у меня больше не спросите. Завтра со мной пойдут только те, кто сегодня будет хорошо спать. А сейчас выйти, построиться.

Рота выскочила из палатки и выстроилась. С гор в долину сползли сумерки, в которых легко угадывались предметы, но признаки их были совершенно неразличимы. Из палатки вышел капитан, снял с плеча автомат, передёрнул затвор, развернулся в сторону импровизированного забора из колючки. Солдаты разом посмотрели туда. У одного из столбов маячила неясная фигура. В сторону этой фигуры ушла черед трассирующих пуль. И каждый видел, как огненные иглы рвали что-то, очень похожее на привязанного к столбу человека.

– А теперь отбой! – скомандовал Баев.

Закинул автомат за плечо и пошёл в сторону штаба.

Бойцы стояли в строю. Над строем висела зловещая тишина. Виктор обернулся:

– Бойцы, я дал команду: Отбой! Выполнять!

В три часа ночи он вошёл в палатку и тихо проговорил:

«Подъем!» Добрая половина десантников вскочила и стала поспешно одеваться. Среди них был и старший сержант, за-дававший Баеву вопрос. Построив личный состав перед палаткой, капитан вызвал сержанта.

– Товарищ старший сержант, в отсутствие вышестоящего командира, принимаете командование на себя. На северном направлении между третьим и пятым пулеметными гнездами ваша группа к шести часам утра должна отрыть окопы полного профиля с ходами сообщения на выдвижные позиции фланговых пулеметных расчетов. Выполняйте!

Парни рыли окопы в каменистом грунте и проклинали Баева.

В полдень вторая часть роты в полном боевом снаряжении ушла в зелёнку. Баев хорошо помнил этот страшный выход. Около одного из небольших горных аулов они наткнулись на неубранную растяжку. К саклям выползли по-змеиному. Виктор долго рассматривал селение в бинокль. У домов ходили женщины, одетые в чёрное, развешивали бельё, кормили кур, носили воду. В улице стояли несколько молодых девушек и о чём-то беседовали. На стволе старого дерева сидели аксакалы, вокруг бегала малышня. И вдруг глаз споткнулся. Виктор сначала не понял, что же такое выбивалось из общей картины горного селения. На выступе каменной ограды стояла раскрытая банка тушёнки и серебрилась в лучах предвечернего солнца. Горцы тушёнку не ели. Это Виктор знал точно.

В долину вело несколько горных троп. В долине были нефтепровод, высоковольтная ЛЭП, мост через ущелье и начало серпантина, в долине было село, в котором спокойно чувствовали себя федералы, пацанята из мотострелковой части, выполнявшие функции гарнизона и охранявшие два блок-поста перед входом на серпантин. Боевиков нужно было обнаруживать и завязывать бой, вызывая подкрепление. Но где их искать?

Баев взял двух бойцов и пошёл в село. На окраине они присмотрелись к дому, прошмыгнули в ограду и оказались на пороге горного жилища. Баев пристегнул штык-нож к автомату и занёс оружие над мужчиной средних лет, за спиной которого стояли три девочки школьного возраста, жена и четырнадцатилетний мальчик. У мужчины побелело лицо, но он не пошевелился и не произнес ни слова. Девочки плакали. Плакала жена, но беззвучно. Не выдержал мальчик. Он выскочил из-за спины отца и схватился за руку Баева.

Бравые десантники стояли бледные, как полотно.

– Дорогу покажешь.

Мальчик кивнул. Виктор опустил автомат и показал, что все свободны.

Баев, десантники, мальчик были в ограде, когда на крыльце дома появился отец. Старое охотничье ружьё прогремело двумя выстрелами. Капитан видел, как волчья дробь бьет мальчишке в спину, видел, как ошалевшие десантники валятся в пыль и жмут спусковые крючки, видел, как пули ко-

люют старые камни, щепают вековое дерево, рвут одежду и тело горца. По селению уже стоит истошный крик женщин.

Они хватают одну из девочек и уходят со двора. Бегут по тропе в зелёнку. И когда за деревьями пропадает селение, бойцы грохаются на колени. Бесшабашность стёрлась. Скулы светло. Мощные красивые тела содрогаются в рвотных порывах. Корёжит мужиков по-чёрному. Виктор стоит у дерева, пережидает. Потом достает свою флягу, бросает одному:

– Глотни, помогает.

Во фляге у Баева коньяк. Глотнули. Оклепались. Тут и мать появилась. Девочка стоит под деревом, как изваяние, мать напротив – краше в гроб кладут. Парни привалились к скале – лица бледные, с выступившими прожилками вен. Глаза блестят, на выкате. Ещё немного и кинутся рвать на куски любого. Мать быстро объясняет, куда пошли боевики, и кто их повёл.

Потом группа «на рысях» шла к серпантину. Они первыми услышали боевиков. Залегли. Отдышались. Баев отдал приказ: «Пленных не братьь!»! Под перекрестным огнём за пять минут полегли все горцы.

Баев вернул группу в лагерь.

Между выходами гонял храбрых десантников до седьмого пота. Бойцы целыми днями кололи, резали, выслеживали, стреляли. И всё это доводилось до остервенелого автоматизма.

Как-то вечером к капитану подсел полковник. Он был

из штаба, но рожи не раскормил, брюха не отвесил и сам часто ходил с бойцами на боевые операции. Полковника уважали.

– Виктор, вот смотрю я на тебя и думаю, где ж ты так остервенел? Может, убили кого?

– Боже упаси, товарищ полковник.

– А что ж ты из ребят зверей делаешь?

– Чтобы их не убили. Мне в первую один мудрец здешний тайну открыл, как надо жить. Я так и живу, и живой. И пацанята живые... И мамки их не режут над могилками, не клянут ни меня, ни вас.

– Ты хоть раз подумал, вот вернуться они домой?

– Жить будут.

– Прямая дорога в бандиты. Их из школы да в твои руки. А они у тебя золотые. Из любого положения хоть из пистолета, хоть из автомата, хоть ножом.

– Полагаете, на гражданке по-другому?

Полковник задумался.

– Там хоть выбор есть, – произнёс он после некоторого молчания.

– И здесь есть. Но... Уцитца нада халашо. Смелть должна быть лехкой.

– Это ты о чём?

– Кореец мне так сказал. Давно. Я в школу ходил, а он на бойне работал. Пленный. Ещё с войны. На бойне работал. Дядя Лай. Умер, наверное, уже.

– Тебе твои не снятся? – вдруг спросил полковник.

И Баев понял, что спрашивают его не об отце-матери, не о жене и дочке, спрашивают о тех, кого он лишил жизни.

– Бог миловал, товарищ полковник.

– Ты веришь?

Баев промолчал.

– А я верю. Искренне верю. Не показушно. Вот тут у меня Бог, – полковник неопределенно взмахнул рукой, – И ночью он мне говорит: «За каждого ответишь»! Я потом думаю. Когда в Афган зелёным лейтенантом попал, за то время с меня спрос невелик будет. Воин и есть воин. Клятвы не нарушал, а кого в землю положил, такова их судьба. А вот за нынешнее. Сколько ж людского горя на мне теперь? – полковник вновь остановился, подумал, выдохнул, – Каждого искупление ждёт.

Это было так давно. Но так отчетливо помнилось Баеву. Помнилось, что из десантников он сделал настоящих солдат, боеспособную единицу, те в свою очередь учили салажат, и самым большим ЧП в роте было боевое ранение.

На войне Виктору вручили орден, а следом он получил звание.

Из Моздока прикатил в парадной форме. И услышал, проходя мимо санбата: «Красавец!»

Завернул. Шёл между молодыми девчонками и спрашивал: «Кто сказал „красавец“»? Санитарки показали на огромную палатку. Ворвался. И тут же напоролся на чёткий, пре-

секающий всякое неповиновение, голос.

– Марш отсюда!

– Так, я красавец, – промямлил он.

– Красавец?! Тогда у палатки подожди, – за белым занавесом брякнули железяки.

Запричитал мужской голосок.

Через какое-то время из палатки вышла доктор.

– Красавец где?

– Я!

– Разве красавцы так берет носят? – доктор подошла и поправила головной убор.

Баев бросил чемодан и сграбастал женщину в объятия. Она не сопротивлялась. Он потянул в себя запах её волос – пахло солнечным летним ромашковым полем. Поцеловать всё-таки не решился. Отпустил.

– Что ж, красавец, теперь вы просто обязаны на мне жениться.

– Хорошо, товарищ военврач. Завтра схожу на боевые, а там и свадьба.

– Смотрите, не передумайте.

За доктором вышел долговязый парень с марлевой маской на лице, пробурчал что-то... Баев проследовал в расположение своей части. А вечером был в санбате. И ночь провел в кубрике. Под утро она спала у него на груди. Красивая, желанная, родная. А он всё дышал и дышал запахом её волос.

Днём уже был в горах, ночью в бою.

В квадрат с трёх сторон хлынули боевики. Группа уходила от озверевших бандитов. И боец не исполнил баевского завета: встретил на тропе человека и пропустил. Первый раз боец был на задании, думал, не заметил его тот, кого он не стал убивать. И ошибся. Ночью по тропам люди не ходят. Группу пропустили. Выстрелили в Баева. Броник спас. Виктор был жив, но идти не мог. Поднимался с земли, и тут же сознание заволакивал черный туман. «Старики» смогли увести группу от преследования. Четыре дня тащили Баева зелёной, пока не вышли в расположение мотострелковой дивизии.

В госпитале его кололи уколами, просвечивали аппаратами, цокали языками, успокаивали и, в конце концов, объявили, что более Виктору в армии делать нечего.

Войсковые, паевые, боевые. На них он купил себе квартиру в родном городе. И оказался совершенно один. Пришёл к родителям, постаревшим, поседевшим пенсионерам. Мать рассказывала про все болячки, потом несколько раз принималась плакать и говорить, что внучка совсем от них отстранилась. Только про бывшую жену сказала, что за большого человека она замуж вышла. Удачно!

Отец без перерыва смотрел в телевизор и ругал на чём свет стоит правителей, страну, артистов, телевизионщиков, олигархов и всех других мудозвонов, доведших всех до точки.

Всё это как-то перемешалось, отошло и осталось в прошлом.

Баев (как бывало уже много, много раз) бархатным лоскутком протёр объектив, прижал приклад к плечу, выдохнул, приложился к наглазнику.

«Сколько всего в памяти переберёшь, пока дождёшься», — рассеянно подумал он.

Было ему сейчас тридцать пять лет. И он, мучаясь сильными болями в спине, всё-таки прилетел в чужой город, чтобы выполнить ту работу, которую он умел делать очень хорошо. Господин в черном костюме, окружённый секьюрити, шёл по коридору. Его несуразно большая голова мелькала за прозрачными пуленепробиваемыми витринами. Господин в чёрном костюме был магнатом и кандидатом. А Баев между делом подумал, как можно полюбить такого головастика? Не иначе, как за деньги. За деньги любовь, из-за денег — смерть.

Виктор затаил дыхание и мягко нажал на спусковой крючок. Внизу, у машин заметались люди. Охрана выхватила оружие, крутила головами. Сейчас примчится милиция, вывалят на площадь чины, начнут говорить в микрофоны, обещать и даже угрожать. Только кому? Баеву? Плевать он хотел, живые Баеву не страшны. Страшит его ночной миг, когда вдруг приснятся все те, кого лишил он жизни.

Опираясь на костыли, из подъезда вышел седой мужчина с серым и усталым лицом. На пиджаке орденские планки. Молоденький лейтенант милиции кое-как успел подхва-

тить вдруг качнувшегося на ступенях ветерана. «Скорая помощь» умчала Баева в больницу. Он пришёл в сознание от того, что на него кто-то пристально смотрел. Разлепил веки. Белое пятно халата, белое пятно колпака, лица совсем не разобрать. Пахнет чем-то не больничным. Ромашками пахнет, полем, ветром степным с горчинкой полыни. Желанным, родным. Бывают женщины ангелами? Наверное, нет.

У Баева вдруг потекли слезы.

В углу палаты образовалась дыра, из дыры, из зияющей черноты к его глазам стали подплывать лица. Усатые, бородатые, губастые, носатые, потом холёные, сытые, розовощекие. Потом выплыл мальчик и спросил: «Баев, ты зачем отца убил»?

Тут же раздалось:

– Уцитца нада халашо. Смелть должна быть лехкой, – проговорил дядя Лай, и резко свёл углы палаты.

На мгновение сделалось страшно.

Майора Баева похоронили на родине. Администрация настояла на воинских почестях.

Послезвучие вальса

1

Рифкат Ибрагимов по прозвищу Душман не был ни плохим, ни хорошим. Он был хватким и деловым, как требовал сегодняшний день. Не наглел, но и спуску не давал, поэтому в среде местных воротил был весом и авторитетен. Имел диплом, был сорокалетним мужчиной, и уже не впадал ни в пижонство, ни в авангардизм. Давно, с первых шагов деловой жизни, поставил себе за правило носить приличные костюмы, выражаться ясным, без матерщины, языком, не хватать девок за ляжки, не нажираться коньяком до полусмерти и не делать пальцы веером. Среди одноклассников и в среде бизнеса имел несколько знакомых мужчин, с кем иногда ездил на охоту, на рыбалку, выезжал побаловаться скоростью на ночной трассе, или ходил в горы. Охотно одалживал деньги, точно устанавливая срок отдачи долга и выплаты процентов, и, вроде, жил господин Ибрагимов без особых неприятностей.

Но в последний месяц возникла перед Рифкатом неразрешимая проблема: год назад один из хороших знакомых Душмана чуть ли не на коленях умолял ссудить ему полмиллиона. Рифкат оценил риски и дал в долг. Прошло вре-

мя, а должник возвращать деньги не собирался. Несколько раз доверенных лиц Рифката грубо обругал, потом попросил свою охрану выставить кредиторов за двери. Возникло ощущение, что из хорошего знакомого должник превращался в открытого врага, для которого устоявшиеся людские законы ничего не значили.

Рифкат позвонил сам, предложил по-хорошему отдать долг и разойтись во всё: в знакомстве, в бизнесе, даже в месте жительства. Душмана далеко послали и отрубили связь.

Семьсот тысяч рублей не такие большие деньги, чтобы плакать по ним день и ночь, но нарушались правила, и получилось, что Рифката «кинули». Ни пижона, ни залётного с улицы, «кинули» уважаемого человека.

Сейчас Рифкат Рашидович сидел за накрытым столом и ждал гостей из областного центра. Друзья из бизнеса посоветовали встретиться с Юристом, человеком, имевшим вес в определенных кругах, и по уверению многих, способным разрулить конфликт без вмешательства официальной судебной системы, не доводя дело до греха.

Под классическую музыку хорошо думалось. Душман уже несколько раз пытался в голове проиграть все моменты встречи: что спросить, как ответить, как дать понять, что он, Рифкат, не хочет ни суда, ни войны.

Ресторанчик был приличным заведением, с хорошим статусом, разный сброд здесь не толкался, поэтому Рифката удивила одна несуразность: в дальнем углу за отдельным сто-

ликом сидел одинокий мужчина в камуфлированном костюме не первой свежести, что-то ел и очень часто запрокидывал голову, выпивая очередную порцию спиртного.

Рифкат поманил к себе официанта:

– Давно ли бомжи у вас стали столоваться?

– Это не бомж, – прошептал официант, – это чокнутый лейтенант, сторож из дома культуры. Его наш хозяин знает как-то. Один раз в месяц лейтенант приходит и поминает своих друзей, как он говорит, погибших на Кандагаре. Он не шумный, – уверил официант, – сейчас выпьет литр, спустится на свою тележку, возьмёт под козырёк и укатит. Как его хватает не упасть с неё, ума не приложу, – и парень отошёл от Рифката.

«Да какая разница, кто этот мужик, – подумал Рифкат, – правильно когда-то мне сказали: «Сам живи и другим жить давай, тогда и тебе другие жить дадут».

Вошёл гость. Рифкат поднялся из-за стола, но заискивать и хлопотать перед ним не стал. Встретил с достоинством, как равный равного.

Парни из охраны присели за соседние столики. Рифкат Рашидович, как только увидел, что по ступеням кафе поднимается Юрист в сопровождении двух телохранителей, мысленно себя похвалил за то, что взял своих ребят с собой. Пусть этот гусь из центра видит, что не с босотой разговаривает, с деловым и уважаемым человеком.

Хозяин ресторанички сам вышел в зал, остановился по-

одадь от стола, и как только увидел поданный Рифкатом знак, официанты принесли первые блюда.

Выпили по рюмке водки и поели почти в молчании. Только после второй перемены Рифкат заговорил о деле. Он лаконично и чётко изложил суть проблемы и попросил Юриста как можно скорее повлиять на недобросовестного должника. Гость, мужчина худосочный и нервический, оказался куда любопытнее, чем ожидал Ибрагимов. Он задал несколько десятков вопросов, пометил что-то в своей книжечке, и потом, заказав приличную дозу коньяка, кофе и шоколад, наклонился к клиенту как можно ближе и очень доверительно тихо спросил:

– Не могу удержаться, чтобы не полюбопытствовать, почему вас мне представили таким странным... – он запнулся, явно собираясь произнести слово «погонялом», но воздержался, и кое-как отыскал синоним, – прозвищем – Душман? Это ведь так бандитов называли. Мы с ними ещё воевали.

– Я не воевал, – откликнулся Рифкат.

– Вы, ради Бога, не обижайтесь. Ведь чем я больше о вас знаю, тем легче мне будет убедить противоположную сторону не вступать с вами в конфликт. Сначала я, не буду вам лгать, подумал, что вы очень агрессивный и ограниченный человек. Чалмы, – судья состроил улыбку, – не носите, но автомат под рукой держите. Уж хотел вашего должника пугать перспективой быть повешенным за ноги и оставленным без человеческой кожи. Я, знаете, читал, что душманы именно

так с пленными и поступали. Накачивали наркотиком, потом сдирали кожу, завязывали мешком над головой и ждали, когда человек придёт в себя. Ужасная, мучительная смерть, – Юрист нервно дернулся, лицо его некрасиво перекопилось, – Отчего люди так злы, жестоки и коварны?

– Я в восемьдесят девятом окончил университет гуманитарный, – не обратив внимания на возглас судьи, заговорил Рифкат, – мне двадцать лет было. Пошел работать. Потом началось другое время. Вот я и занялся лесом. Пока у нас крутился, ничего хорошего не получалось, но встретился с москвичом, который и вывел на человека, готового помочь завязать отношения со страной, из которой мы недавно вывели войска. Я побывал в Афганистане, как бизнесмен. С тех пор прицепилось – Душман. Но, прозвище знают не многие, только те, с кем мне близко приходится общаться.

– Да, да, – гость почувствовал себя неловко и был рад возникшему перед столом мужчине на тележке.

Лейтенант внимательно посмотрел на сидящих за столом.

– Встаньте, товарищи, – глаза Лейтенанта блестели нехорошим пьяным блеском, но по речи нельзя было догадаться, что этот человек только что выпил литр водки, – помяните героев Кандагара: Пашу Зотова, Ильяса Хайретдинова и Колю Ковалю. Они за вас жизнь отдали.

Охрана поднялась и двинулась к инвалиду, но Рифкат сделал предупреждающий жест.

Поднялся со стула, взглядом пригласив это же самое сде-

лать Юриста, попросил официанта подать ещё стопку, разлил оставшуюся водку на три порции. Рюмку протянул сидевшему на тележке инвалиду.

Мужчина опрокинул рюмку. Посмотрел на Рифката и судью, вскинул руку к помятому и выцветшему берету с эмблемой ВДВ Советского Союза:

– Благодарю Вас, товарищи, – произнёс он почти торжественно, – Честь имею.

И покатил на своей тележке дальше.

– Странные всё-таки на периферии люди, согласитесь, – устраиваясь на стуле, пробурчал гость, – я немного спасовал. Уж не подосланный ли?

Рифкат мотнул головой, но фраза, высказанная между прочим, осталась в памяти.

И когда Юрист покинул кафе с обещаниями в течение недели уладить вопрос, Рифкат поделился этой мыслью с одним из телохранителей.

– Паша, ты бы узнал об этом лейтенанте поподробнее.

Паша не стал задавать лишних вопросов, только кивнул головой.

Когда господин Ибрагимов сел в машину и готов был ненадолго выбросить из головы неурядицы и заботы бизнеса, зазвонил телефон. Глянув на дисплей, Душман ответил. Сообщали, что деревообрабатывающий станок из Норвегии прошёл таможду и стал почти собственность господина Ибрагимова. Нужно было вносить залоговый платеж и заби-

рать оборудование. Как назло семи ста тысяч рублей у Рифката пока не хватало. Это обстоятельство и память о том, что деньги киснут в сейфе у должника, расстроило Душмана до глубины души.

– Хоть бы вы Гене Сычу, шакалу паршивому, нагадили как? Пусть шайтан украдёт его душу.

– Господи! Господи! Ну что с ним поделаешь? – из закута под лестницей, где были свалены старые вёдра, швабры, сломанные мусорные совки, допотопная паркетная машина и другой хлам, хранившийся в каморке по причине всеобщей лени, вышла женщина лет семидесяти от роду.

Она огляделась кругом, заметила в дальнем углу коридора мужчину, пожилого электрика Семёна Григорьевича, копавшегося в настенных коробках с электропроводкой.

– Григорич! – громко позвала женщина, – Айда сюда! Опять наш Лейтенант пьянёхонек! Последне застудит на полу-то! Айда скорее!

Григорьевич оставил на полочке стремянки инструмент, спустился и направился к женщине. Его шаги гулко разносились по пустому зданию дворца культуры. Он подошёл, заглянул в камору.

На полу, раскинув руки в разные стороны, лежал мужчина крепкого телосложения. Пустые штанины распустились во всю длину, страшно скрутившись в косичку. Тележка, на которой инвалид передвигался, откатилась далеко в сторону, приткнувшись к мусорному баку.

– Вот, гляди чо! А как так же напьётся, когда тут полно гостей будет? Когда фестиваль-то?

– Да вот! Неделя осталась! Должно не напьётся. Это у него

пятый день! Завтра ещё опохмелится и всё!

– Да откуда ты знаешь? Кто, вас, алкашей, вообще знает, когда у вас всё, а когда не всё. Мой, так вот и загнулся, а не остановился.

Григорьевич покачал пальцем из стороны в сторону:

– Вот обобщать не надо! Не надо нас с ним в общий котёл!

Мы, между прочим, ветераны!

– Да какие вы ветераны?

– Как это, какие? – взвился Григорьевич, – Да я Амина штурмовал! Мы их, еть-перееть, за сутки уделали. Ты скажи, сёднешние так могут? Да не в жись! А Серёга! Он тоже! Ему тоже! С ним тоже... Э-эх! – Григорьевич надсадно взвалил живой обрубок на плечо, тяжело выпрямился и зашагал в самый дальний край огромного коридора, к комнате, где двадцать пять лет проживал Сергей Михайлович Грачёв, инвалид.

Откуда он взялся, никто толком не знал. За двадцать пять лет в городке сложилась легенда, что это несчастный внебрачный сын покойного советского директора Дворца культуры, получивший увечья в армии. Менялась жизнь, власти, начальство, дворец пережил реконструкции и евроремонты, упадок и новое восстановление, и только Сергей оставался в нём неизменным, вот уже двадцать пять лет ожидавший, когда ему в военном госпитале сделают протезы. Коекто из старожилов городка вспоминал, что в начале девяностых каждый год, в первых числах августа, к Сергею приез-

жало трое мужчин. Они приносили солдатский вещмешок, в котором всегда находилась новая полевая форма, консервы и несколько писем. Потом ни стало никого. Шефство над инвалидом взял местный электрик Григорьевич, шибко не вдававшийся в подробности прошлой жизни Сергея Грачёва, уловивший некий стержень общения с вечным жителем Дворца культуры и принимавший кое-какое участие в невеселой и неяркой жизни инвалида.

Утром Григорьевич пришёл в комнатку справиться, не околел ли Лейтенант.

– Сережка, живой? Ты эт, вчера, еть-перееть, чего так надрался-то? Всё умеренно, умеренно! А тут на тебе...

– Беда, Семён Григорьевич, беда! – голос у крепыша был какой-то детский, высокий и дребезжащий, – Никак не могут подогнать шарниры, Семён Григорьевич. Я ведь вчера опять ходил к врачу-то. Говорю, ну уж сколько можно? Рота меня заждалась, возвращаться надо! Рота меня там ждет. Когда капитан вернется, никто не знает. И я тут по госпиталям. А они мне: не можем, Сергей Михайлович, шарниры подогнать. Вам ведь не в кондукторы, вам на войну. И что уж так? Особенный я какой-то? Вон, Алексею Маресьеву, вмиг сделали, – Сергей кивнул на полку, где стояла одна единственная потрёпанная книга, вздохнул и продолжил, – Вот я и не рассчитал приём-то. Качусь назад, а тут наши с дивизиона, айда, говорят, командир, дёрнем наркомовских. Раздобыли, черти. Тыл, он, Семён Григорьевич, и есть тыл.

Сергей ловко спустился с лежанки, подкатился к тазу, налил в него воды и стал умываться.

Семён Григорьевич осторожно достал из кармана свёрток, положил на невысокий детский столик.

– Сергей, я тут доппаёк принёс. Хлеба белого, пару котлет, яйца. Умывайся и ешь.

– Спасибо, Григорьевич. Спасибо! Доппаёк, это хорошо! – Грачёв подкатился к столику, весело растирая себя полотенцем.

Его круглое, без морщин лицо было тщательно выскоблено бритвой. На лице играла неясная улыбка, а глаза светились неподдельной радостью. Он весело хлопнул в ладоши, положил котлету на кусок хлеба и откусил половину. За спиной зашумел чайник.

– Сейчас подкрепимся и в наряд.

Семён Григорьевич огляделся и, чтобы поддержать разговор, спросил:

– Ты никак рисовать бросил?

– Что вы? Всё на мази! Война войной, а искусство вечно! Краски купил, холст ребята принесли, рамки Клавдия Аркадьевна раздобыла. Я же говорю, тыл, он и есть тыл. Всё тут есть. Это у нас там, на передовой, духи. Только не получается что-то последнее время у меня Татьяна. Вот закрою глаза, вижу, как она по лугу к реке идёт, или как мы с ней рассвет встречаем, а начну рисовать, рука промахивается. Но я

обязательно её нарисую. Как дембельнусь, так сразу к ней. Надену парадку, – он мечтательно прикрыл глаза, – парадочка у меня, закачаешься! – потом спохватился, и блаженная улыбка исчезла с лица, – Вот, только врачи, черти, ну никак не хотят мне ноги сделать. Я бы, наверное, уже сам склепал, если бы взялся.

Грачёв проглотил бутерброд, откатился от столика в угол, сдернул с картины занавеску.

На Семёна Григорьевича смотрела с полотна девушка лет семнадцати. Её русые волосы золотились под лучами невидимого солнца, глаза смотрели ясно и открыто, алые губы тронула чуть заметная нежная улыбка, которую женщины дарят самым любимым и единственным мужчинам.

Электрик время от времени, когда Грачёв бывал в запое, уносил портреты в холодный склад. Выбросить или сжечь не поднималась рука. Так они и пылились в дальнем углу, лишённые возможности показаться зрителям. А Сергей брался за новые, и рисовал, рисовал, рисовал. Рисовал только одну-единственную женщину, которую помнил из той, другой, когда-то навсегда остановившейся жизни.

– Ты сегодня как? – спросил Семён.

– Как обычно, службу тянуть надо! – весело ответил Сергей, – Денег сегодня дадут. Грех не обмыть, – он хитро прищурился, – И повод есть, Григорич. Число-то сегодня какое? А?

Семён Григорьевич машинально бросил взгляд на стену,

где у Лейтенанта висел отрывной календарь.

– То-то. Танюшка у меня именинница.

И столько нежности было в этих обычных словах, что у Григорьича запершило в горле и щипнуло глаза. Но он собрался с мыслями, кашлянул в кулак.

– Тут комендант заходил, – Семён говорил медленно, подыскивая нужные слова, – сборы у нас. Салажат нагонят. Конкурс песенный. Ты бы, Сергей Михайлович, зазря-то водку не пил. Не ровен час, попадёшь кому на глаза, губой не отделаешься.

– Да что ты?

– А то, сейчас с этим строго. Запрут куда подальше.

– Так что же с жалованьем? Вроде, как традиции изменять? – удивился Сергей.

– А ты его Клавдее отдай. А как рассосутся, я тебе компанию составлю.

– Договорились!

Сергей остался доволен разговором. Семён Григорьевич тоже. В коридор вышли вместе, и только потом расстались.

3

Накануне фестиваля во Дворец культуры пожаловало высокое начальство из администрации. Маленькая круглая женщина, заместитель главы города по социальным вопросам, обошла весь дворец. За ней хвостом семенили директор, главный режиссёр массовых мероприятий, ещё пара ответственных сотрудников. И на все замечания только кивали головами, боясь что-либо возразить. В общем, всё было хорошо, пока не спустились в огромный холл на первом этаже.

– Голо! – проронила женщина-начальница.

– Так ведь тут гардероб. Разделись, поднялись, – объяснила директор.

– А кто пораньше приедет? Ему что, так в зале и сидеть? Нет! Я думаю нужно выставку организовать. Художественную.

– Но ведь... Не успеем, – понурилась директор.

– Я такого от тебя не слышала. Не слышала! – разделяя слова на слоги, произнесла женщина-начальница и затараторила дальше, не давая другим что-либо сказать, – Не успеем! Успевайте! Ещё почти сутки! Козейчика возьмите, Кузнецова! Пейзажи там всякие.

– Кузнецова на областную увезли. У нас нет ничего.

– Совсем? – было видно, как заместитель главы по социальным вопросам приходит в тихую ярость, – И на складе

ничего нет? Плакаты какие-нибудь.

– Ну, уж это добро я одна не отважусь разбирать, – директор явно боялась прогадать с плакатами и картинами местных знаменитостей, забытыми в холодном складе.

А там ещё с советских времён лежали писанные на добротном холсте трехметровые фигуры рабочих и колхозников, советской интеллигенции и даже нескольких вождей, срисованных с черно-белых фотографий в пролетарско-авангардистском стиле: по белому полотнищу красной краской.

Семен Григорьевич по приказу директора вытаскивал картины и плакаты на свет божий. Женщина-заместитель смотрела на них и указывала, что вернуть назад или вообще выбросить, а что ещё послужит делу развития культуры и привлечёт внимание зрителей.

Плакатов и картин, достойных выставки, набралось десятка два. Экспозиция в огромном холле получалась куца.

– А это что? – указала начальница на сложенные аккуратной стопочкой картины.

– Это так, – пыталась отговориться директор, – начинающие работы.

Но Семён Григорьевич уже вытащил одну.

Начальница хмыкнула, поправила на носу очки, сделала пару шагов к Семёну.

– И пусть. Очень даже ничего. Кто это?

– Сторож наш. Он у нас немного не в себе. Может, не сто-

ит его пугать? Он во времени не ориентируется. Да вы же его знаете, Грачёв это.

– А вы его подготовьте, поговорите. Соврите ему, наконец, что-нибудь. Где он такую девку нашёл?

– Девушка? В памяти она у него. Осталась как-то. Довоенная, – Семён Григорьевич хотел ещё что-то добавить, но его перебили.

А потом и вовсе забыли за делами.

Но Семён был на седьмом небе. Он сразу увидел, что картины, написанные Серегой, начальнице понравились. Их было столько, что они могли заполнить весь холл, от начала до конца. И если внимательно к картинам присматриваться, то можно было увидеть, что ни одна из них не повторялась: героиня была одна, а настроение, с которым её изображал художник, всегда было разное. Семён Григорьевич и вылез с этой мыслью вперед своего непосредственного начальства:

– Я так думаю, наверху напишем «Настроение» и сразу несколько картин повесим. Они все разные. То грустные, то веселые! И народ пусть полюбуется. И Сережка, может, обрадуется. Никому ведь неизвестно, что в душе у него творится.

– Что у него в душе творится? Дурак дураком. Сказано же – шизофрения с потерей ориентации во времени и пространстве. Контузия. Я уж и забыла, когда эта война была, а он всё воевать собирается. Мужуку пять десятков, а он всё себя лейтенантом числит, – зло высказалась директор.

Но женщина из администрации грозно на неё посмотрела,

и вопрос о персональной Грачёвской выставке был решён.

Сам Сергей ютился всё в той же каморе под лестницей, изредка выглядывая в холл, по которому суетливо пробежали незнакомые женщины, или та же Клавдия Аркадьевна вместе с семенившим на полусогнутых Григорьевичем. В такое время Сергей старался не показываться никому на глаза, приговаривая: «Подальше от начальства, поближе к кухне!» Когда процессия во главе с невысокой, но властной женщиной, прошествовала через коридоры и удалилась в сторону холодного склада, Сергей выкатился из-под лестницы и, с силой отталкиваясь от пола, помчался к выходу. Через несколько минут он спустился с крыльца, мощным толчком забросил своё тело на тележку и рванул к ближайшему магазину.

– Чего тебе, Серёга?

Продавщица перегнулась через прилавок, чтобы глянуть в сияющее лицо Лейтенанта.

– Бутылку без денег не дам!

– Денег пока не получил, задерживают. Может, из-за боёв. Но мне очень надо, как только получу, так сразу порученца пришлю. Тася! – повысил он голос, – Тебе десантура честью офицера клянётся. Я живой, живой буду! Меня пока не пошлют. В госпитале ноги до сих пор делают, так что я всегда на месте. Сегодня число-то какое? Сегодня у моей Танюшеньки день рождения. Давай, Тася, торт. И шоколадку давай. И пряников.

Закинув торбу за спину, Сергей покатил к себе.

Вскипятив чай, раскрыв торт, разломав шоколад, он выкатился в коридор и громко позвал Григорьевича и Клавдию Аркадьевну. Минут через пять старушка и электрик явились в комнату к Грачёву. Семён Григорьевич прилебывал горячий чай, Клавдия Аркадьевна мусолила пряник, а сам Серёга с большим удовольствием ел торт и время от времени повторял: «Сегодня день рождения у Танечки. Она должна была позвонить! Но тут ребята из дивизиона сказали, духи нашу точку накрыли. Ну, ничего, ничего. Вот только на ноги встану!...»

– Серёжа! Я тут всё смотрю, смотрю и думаю, что ж мы картины-то твои от людей прячем? Нет, оно понятно, когда на передовой. Устав есть устав. А тут такое дело подвернулось. Салажата к нам приезжают. Сам командующий приказ отдал: организовать выставку художников. Я субординацию нарушил, про тебя доложил, – Семён внимательно посмотрел на прекратившего жевать Сергея.

А у него глаза вспыхнули, на лице появилось выражение напряженного ожидания. Он проглотил кусок торта и с надеждой выдавил:

– Взяли?

– А как же, – обрадовано закричал Семён Григорьевич, – Как же, Серёга! Да нас, десантуру! Ты же девиз помнишь: «Никто кроме нас!» Тут такая генеральша была, перебирала. «Это, – говорит, – в сторону, не актуально! Не прогрессив-

но! Не отражает!» А как твоё увидела, рот разинула и приказала: «Картины лейтенанта Грачёва по всему холлу развесить, чтобы все видели, как мы жить умеем! И как за эту жизнь воевать станем!» Я, Сережа, сколько мог сохранить, всё сохранил. На картинах твоих войны нет. Там Таня! Там такая, Серёжа, женщина! Она, как Родина! За неё и в огонь, и в воду! И не только ты. Мы все! Все вместе!

Сергей слушал Семёна с раскрытым ртом. Потом спохватился.

– Григорич, по дружбе прошу. Добудь мне новый тельник. Мой-то подносился. А нач по тылу черт знает где. Добудь. У тебя с каптенармусом, поди, связи имеются?

Теперь Грачёв спал урывками, как на фронте. Клавдия Аркадьевна велела ему стеречь чистоту, попусту народ на этажи не пускать. Поэтому после ночных обходов Сергей урывал два-три утренних часа сна, потом поднимался, умывался, влезал в свою форму, бросал тело на коляску и подкатывал к зеркалу:

– Гвардии старший лейтенант Грачёв, заступить на охрану вверенного вам объекта, – громко, словно перед строем отдавал он сам себе приказ, вскидывал руку к виску и так же четко отвечал: – Есть, заступить на охрану вверенного объекта.

Прокатываясь по крыльцу перед главным входом в дом культуры, Сергей заметил, что за ним наблюдает парень лет двадцати пяти. По виду он был свой, русский, а вот по взгляду. Аж мурашки по коже у Сереги пробежали. Он хорошо помнил такой же оценивающий взгляд американского инструктора, попавшего в плен после ликвидации одной из баз боевиков. Казалось, что американец ничуть не боится быть расстрелянным, а как-то оценивает русских солдат, прикидывает, что ли, за сколько долларов можно купить того или иного. Чего греха таить, Серега знал, что некоторые офицеры берут с духов доллары, потом ездят на базары, и товар пересылают с нарочными в Союз. Но афганцы так нарочито

нагло не поступали, они совали деньги в руки шурави украдкой, как бы в знак благодарности за не разоренное жилище и сохраненную жизнь.

Сергей уже собрался катить к парню, когда тот сам оторвался от парапета и направился к Лейтенанту. Парень остановился перед первой ступенью лестницы.

– Меня к вам послали, – сказал он, – спросить, не можете тут одного чеха завалить?

– Какого чеха?

Парень опасливо оглянулся.

– Душмана! Он тут крутого боевика строит и понты крутит. А наш командир сказал, что это дело только вам по плечу.

– Боевиков ловить дело контрразведки. А я боевой офицер. Покажете базу, с ребятами накроем.

– Какую, на хрен, базу? – парень махнул рукой, – Дебил какой-то.

И, сорвавшись с места, понёсся в сторону центральной остановки.

Сергей долгим взглядом проводил парня, не заметив, что со стороны автостоянки блеснул на солнце телеобъектив фотоаппарата.

Вечером Грачёв поделился сомнениями с Григорьевичем. Тот что-то проямлил, выпил чай и ушёл.

Сергей в эту ночь не сомкнул глаз, прокатываясь по гулким коридорам дворца. Он прятался за колоннами, внезап-

но выезжал из-за лестницы и из-за углов, пристально вслушивался в гулкую ночную тишину, всматривался в светлые квадраты окон на полу – разведка моджахедов себя ничем не проявляла.

Телохранитель и друг Павел доложил Рифкату, что Геннадий Сычов перешёл на нелегальное положение. Он в городе, никуда не уехал, но ни с Рифкатом, ни с Юристом встречаться не желает. Один из парней, отирающийся на предприятии Сыча в качестве сторожа, был замечен за беседой с лейтенантом. Павел открыл папку и протянул конверт с фотографиями.

– Вот, не обманула меня интуиция. Этот мужик как будто заранее знал, что я в ресторане буду. И ни к кому не пристал, а около нашего столика остановился. Вот же гады! – крикнул раздосадовано Рифкат, – инвалида припрягли.

– Инвалид этот бывший офицер десантно-штурмового батальона, принимал участие в двенадцати операциях по уничтожению караванов и баз моджахедов, владеет всеми видами стрелкового и холодного оружия, обучен рукопашному бою. Имеет боевые награды. Ранен при обстреле Кабула незадолго до вывода наших войск из Афганистана. Частичная потеря памяти, неадекватно оценивает окружающую действительность, но агрессии не проявляет, для общества не опасен, – отрапортовал Павел.

Рифкат кивнул. И показалось, тут же забыл услышанное. Он уже несколько дней искал денег. В банке висел кредит, и хотя кредитная история его предприятия была без-

упречной, новой миллионной ссуды банкиры давать не собирались. Приятели-бизнесмены делали круглые глаза и понимающе кивали, но потом просили их извинить.

Господин Ибрагимов скатывался к нервному срыву, уже готовый к тому, чтобы отдать приказ силой выколотить деньги из Сыча. Поданное заявление в суд принималось к рассмотрению не ранее, чем через месяц, а продавцы техники не могли ждать. Сама техника, простаивая, каждый день проворачивала колесики невидимого счётчика.

– Паша, хоть из-под земли мне Сыча достань. Где-то же он ходит. По участку своему ходит. В спальню. В туалет в ресторане не с охраной же. Я из этой шелудивой собаки сам денежки выдавлю. Сам!

Грянул фестиваль.

Сергей пристроился в дальнем углу на площадке парадного входа и смотрел на происходящее. Сотни людей улыбались, смеялись, встречались, обнимались. Гремела музыка, слышны были речи штатских, бегала и пиццала детвора, в небо то и дело взмывали разноцветные воздушные шарикки. Когда шар вырывался из рук какого-нибудь сорванца, Сергея одолевало беспокойство. Но глядя на большое скопление веселых и беспечных людей, он сдерживал себя, чтобы не испортить праздника и не нарушить приказа вышестоящего начальства.

На выставке картин народу собралось – не протолкнуться. Люди постарше с ностальгией смотрели на портреты знаменитых металлургов и передовых хлеборобов – многих узнавали, ведь это были кусочки их ушедшей молодости. Молодежь проявила внимание к циклу портретов неизвестного художника Грачёва.

Григорьевич ходил гоголем, вслушивался в разговоры, а когда за спиной раздалось:

– Ксюха, смотри, кто-то тебя нарисовал! Классно!

– С ума сошла?

– Да точно ты!

Семён Григорьевич остановился и резко обернулся. Пе-

ред портретами стояли две девушки, шестнадцати-семнадцати лет от роду, а может и чуть старше. Плохо Григорьевич разбирался в возрасте, чаще определяя его двумя понятными ему категориями: «дети» и «кобылы». Девушки детьми не были. И это смутило электрика до невозможности. Нужно было немедленно спрашивать, кто они и откуда, а у мужика пропал дар речи. Спohватившись, он рысцой бросился в апартаменты Клавдии Аркадьевны.

– Клава! Клава! Да где ты, еть-перееть, язви ты в душу! Клавдея? – закричал он.

– Ну! – отозвалась женщина, прикорнувшая на кушетке, – Случилось чего? Затирать идти?

– Случилось! Случилось! – он сел на табурет, – Там это, – соскочил. – Ну чего ты лежишь-то? – в сердцах крикнул Григорьевич, – Там это.

– Да что там? – Клавдия поднялась, поправила на голове платок, – Толком сказать можешь?

– Это там. Очевидное – невероятное! – метнулся по комнате, снова сел на табурет, – Короче, иду сейчас по коридору, где картины развешаны и слышу. Одна другой говорит: «Смотри, – говорит, – это ты на портрете». Я обомлел. Клавдия, я обомлел. Оборачиваюсь. Мать честная! Еть-перееть! Да ведь Танька Серегина передо мной стоит.

– Ты чо мелешь-то? Какая Танька? Откуда она тут взялась? Ты чо мелешь-то? Или уж вместе со своим Серёгой от водки-то ополоумели?

– Да какая водка? – горячится Семён Григорьевич, – Какая водка? Ни в одном глазе. Еть-перееть. Ты сама сходи, погляди. Там, поди ещё.

Клавдия поднялась. Вдвоем они устремились в холл. Григорьевич тщетно крутил головой, пытаясь отыскать девчонку. Пропали.

– Вот ведь, – возмущалась Клавдия Аркадьевна, – и чо тебе в голову-то взбрело? Ты сам подумай, если и была какая там девушка у твоего Лейтенанта, так сколько ей сейчас лет? Чуть помладше Сереги будет! А ты девчонку опознал!

– Клавдея, – оправдывался Семён Григорьевич, – Говорю же, как тебя, видел. Может, и он где встречал? И запала ему в мозги-то. Еть-перееть, оно понятно, не все дома у мужика, но ведь и не дурак он вроде. Перемкнуло где-то. А как он эту дивчину увидит? Откуда-то же он знает, что её Таней зовут. Мы вон, с тобой, уж сколько лет на день рождения ходим? Ни разу не перепутал, день в день.

– Вот тебе и доказательства, – настаивала уборщица, – я двадцатый год тут буду работать, лет пять он меня запомнить не мог, значит, пятнадцать лет мы с тобой день рождения его Татьяны отмечаем. Взбренило тебе чего-то. Давай, я чайку поставлю, отдышимся. Кстати, где твой художник, не видела я его что-то?

– Да на крыльце был. От угла к углу всё катался. Нервно так катался, за углы заглядывал. А как шарик в небо полетит, так прям страх, еть-перееть, у него по лицу бежит. Вот,

опять же, чего он этих шариков воздушных боится?

Но не Григорьевич, ни Клавдия Аркадьевна на крыльцо не вышли.

Площадь гудела звуками. Люди двигались во всех направлениях. Сергей видел, что среди тех, кто вчера или позавчера прилетел из Союза последним бортом, мелькают незнакомые лица. Но они улыбаются. Это свои. Они говорят на незнакомом языке, но редко. Это хорошо! Это замечательно, когда люди говорят на дари, а потом на русском. Грачёв улыбался. В пучине движущегося народа звучал только один язык, значит, опасности не было.

– Салам Алейкум! – мужчины протянули друг другу руки и трижды облобызались.

Сергей выделил это приветствие из всех других. Оно резало ухо, поэтому Грачёв выкатился из своего укрытия, поспешил к ступеням и ловко по ним спустился вниз. Люди давали дорогу инвалиду, а он торопился к трём мужчинам, один из которых был одет в шикарный, чёрный с отливом, костюм, двое других в пузырчатых серых куртках-безрукавках и легких белых штанах. Сергей сзади теперь видел их бритые затылки и уже слышал эти смеющиеся надменные голоса. Тот, который был в центре, переоделся, бурнус снял, костюм одел, а другие американские куртки поленились снять, только и додумались шаровары белые натянуть.

В голове летело: «Допускались свои шарики, обнаружили себя! А вот и духи пожаловали. В этот раз не уйдут!» Сер-

гей спешил. В его голове роились воспоминания: сейчас этот в чёрном костюме достанет радиотелефон и позвонит. А те двое, в белых штанах, побегут в разные стороны и что-то закричат. И исчезнут! Все! Разом. Как по команде в воздухе застонет, заскулит первая мина и упадёт в центр площади. А за ней посыплется минный град. И над Серегой будут лететь комья глины, доски, камни, ошмётки человеческих тел, обрывки материи, в которую закутаны женщины, а потом хлопнет рядом с ним.

– Душман, они, кажется, нас заметили! – один из лысых указывает куда-то в сторону.

– Обнаглели. Сейчас мы их тут прижучим. Душман, звони нашим, пусть подтягиваются. И ментам звони, ментам. Сейчас мы Сычу мочи подольём.

Мужчина в чёрном костюме достаёт телефон, нажимает кнопки и прикладывает аппарат к уху.

Сергей уже слышит, как незнакомец приказывает. Речь чужая, гортанная, лающая.

Рифкат действительно кричит, потому что вокруг шумно:

– Оружие захватите. Не ссыте, у вас разрешение. И сюда, на площадь. Тут он. Тут.

– Душман, давай Сыча на понт возьмём. Он-то думает, что ты культурный, а ты Душман. Чо кричать-то надо? Чо тогда душманы орали?

– Аллах Акбар! – громко произносит мужчина в дорогом костюме.

Сергея подлетает сзади и бьет крикнувшего «Аллах Акбар» под колени. Господин Ибрагимов, взыв от боли, валится на тротуарную плитку. Телохранители бросаются на Сергея. А он, размахивая дощечками-опорами, орёт на толпу:

– Вон! С площади вон! Все вон!

Женщины с детьми бросаются в сторону, мужчины наваливаются, чтобы внимательнее рассмотреть, что происходит.

Один бритый пытается ударить Серёгу в лицо, но Грачёв блокирует удар, захватив ногу противника резко дергает на себя, молниеносно впечатывая кулак правой руки в пах. Второй телохранитель замешкался, поэтому сразу же получил дощечкой между глаз.

Душман орет благим матом:

– Сычовский, паскуда. Он мне ногу сломал! Кто-нибудь! Да уймите его! Мужики! Это буйный, вяжите его, он же Пашку убьёт.

Сергей действительно добивает Пашку. У того на голове видна кровь.

– Вон! Все вон! Сейчас мины полетят! Он уже сообщил! Он душман! Я слышал! Он душман! Аллах Акбар орёт!

На Сергея сзади наваливаются трое здоровых парней. Они пытаются оторвать Серёгины руки от Пашкиной глотки. Грачёва трясёт. Он обмякает и уже стонет, умоляя:

– Уходите! Сейчас стрелять будут! Сейчас всех положат!

Появляется милицейская машина, потом подкатывает ка-

рета «Скорой помощи». Грачёву заломили руки. Он лежит на асфальте и бешено вращает глазами. Женщина врач загибает Сергею рукав и ставит успокоительное. Медсёстры бинтуют пострадавших. Душмана и Пашку грузят в «Скорую помощь», ещё одному телохранителю рану от опорной доски мажут йодом и заклеивают пластырем. Мужчины несут ослабшего Сергея во Дворец культуры. Навстречу им бежит Семён Григорьевич и семенит Клавдия Аркадьевна. Поплывший от уколов Лейтенант продолжает шептать:

– Уходите! Сейчас стрелять будут! Я тогда не успел! Шарики! Уберите шарики! Духи! Они стрелять будут! Я не успел!

Очнулся Грачёв вечером на вторые сутки. Сполз с топчана, ополоснул лицо и, взгромоздив своё тело на коляску, выкатился в фойе. Из актового зала неслась музыка и голоса: высокие детские, томные женские, неокрепшие юношеские. Всё было спокойно. Значит, вчера налёта не было. Душман не успел сообщить своим и скоординировать огонь. Грачёв поправил берет, и весёлым взглядом окинул фойе дома культуры. В дальнем углу толкалось несколько парней. Сергей смутно помнил, что одного из них он где-то видел. Громко позвал:

– Боец, к командиру!

Парни переглянулись. Но знакомый тут же подошел.

– Боец, держи столы и принеси мне водочки. Выполнять!

– Вы деньги уберите. Я сейчас.

– Вот молодец! Понятливый! Только обращаться надо по уставу, товарищ гвардии старший лейтенант! – Лейтенант широко улыбнулся.

– Извините, у вас знаков различия не видно, – отозвался парнишка.

Через полчаса Грачёв опорожнил полный стакан, крикнул. Посидел с минуту. Сделалось намного лучше. И он покати́л в актовый зал. Послушать, как поют салажата.

– На сцену приглашается Ксения Токарева. В её исполнении звучит песня «Нежность».

Серёга расслабился. Он сидел на полу у первого ряда, и ему не было видно певцов и певиц, но он особо не расстраивался.

«Покроется небо пылинками звезд» – звучала песня.

Исполнительница подошла к самому краю подиума. Серёга замер. Он впился в девушку взглядом, стал шарить рукой по полу, ища отложенные в сторону дощечки.

«Мы память, мы память, мы долгая память друг друга» – летели слова.

– Таня! Танечка! – шептали губы.

И когда отзвучали аплодисменты, когда в зале наступила тишина перед объявлением следующего номера, от самой сцены, с пола, к дальним рядам, к высокому потолку полетел Серёгин возглас:

– Видели! Таня моя приехала! Это Она! Видели?!

Грачёв загремел дощечками, как-то очень громко покати-лась коляска из зала. А зал в темноте напряженно молчал.

Он метался по залитому неоновым светом фойе, по длинным, заполненным незнакомыми людьми коридорам, но отыскать своей Тани не мог. Он устал. Взмок. Руки ломило.

Когда фойе опустело, и умолкли все звуки, тишину разорвал Серёгин крик:

– Танечка! Ты где? Та-а-не-э-чка-а!

С раннего утра Грачёв выкатил к главному входу. Григорьевич и Клавдия Аркадьевна сначала хотели отправить его в комнату, но когда поняли, что Лейтенант не тронется с места, в очередь за ним присматривали. Народу становилось всё больше и больше. Сергею стало труднее рассматривать всех входящих и выходящих. Он стал нервничать, ёрзать на своей тележке.

Но вот мелькнуло знакомое лицо. Он его узнал среди сотен других сразу. Его Татьяна, весело щебеча о чем-то с подружкой, поднималась на крыльцо. Серега расплылся в улыбке, оттолкнулся от пола и, оставив дощечки у колонны, покатился к дверям, широко раскинув объятая.

Девушка, занятая разговором, и не ожидавшая, что её сейчас схватят, опешила, а потом истерично завизжала.

Грачёв первые секунды ничего не понял. В его ладонях были какие-то материи, а под ними прятались крепкие ягоды. У самого носа низ блузы. Блуза у неё была особенная, и запах был особенный – он никогда не забывал этого запаха. Запах остался с того самого момента, когда из темноты еле-еле проступил свет. Сергей помнил это всегда. Тогда он потянул носом воздух, и вместо едкой пороховой гари почувствовал аромат каких-то цветов.

Он отпустил девушку только тогда, когда на него закри-

чали со всех сторон, а на голову и плечи посыпались детские удары девичьих кулачков.

– Это Таня! – крикнул Грачёв, – Мы знакомы. Это моя Таня.

И почувствовал, как его тянут в сторону. Потом перед лицом замельтешил Григорьевич.

– Безобразие! – раздраженный возглас прилетел сбоку.

Сергей обернулся. Его плачущую Таню уводила какая-то женщина. Он опёрся о пол и толкнул самого себя вперед. Но ничего не получилось. Крепкие руки электрика держали Грачёва. Лейтенант ещё раз дернулся, поднимая тело на обрубках ног, и обмяк.

– Как же так, Григорьевич? – Сергей поднял полные злобой тоски глаза на единственного человека, понимавшего его и умеющего с ним разговаривать, – Это из-за ног? Она же меня таким ещё не видела. Испугалась?

– Ничего, Серега, ничего. Прорвёмся! Покатили домой. Я тебе, товарищ гвардии лейтенант, форму новую справил: и тельник, и брюки, и кителёк, и даже берет новый. Думаю, в самый раз угадал. А с Танькой я поговорю. Вот дура-то. Радоваться надо, что мужик живой. А она в истерику. Баба, одним словом. Покатили, товарищ гвардии лейтенант. А с Танькой я поговорю, – Григорьевич аккуратно подталкивал в спину Сергея, направляя его к своей комнатушке.

Клавдия Аркадьевна не вошла, она просочилась в уборную. Ксения уже забыла о происшествии, смеялась, рассказывая что-то подружке. Когда гримёр закончила работу, девушка поднялась со стула.

– А вы что тут делаете? – в голосе Ксении звучало неудовольствие.

– Детонька, да я ж к тебе.

– Какая я вам детонька?

– Волнуюсь я. Не знаю уж, как вас, нынешних и называть.

Меня Клавдия Аркадьевна зовут. Я тут работаю.

Гримёр и подружка с интересом смотрели и слушали. А Ксению с каждым словом больше и больше раздражала незнакомая уборщица, посмеываясь без разрешения ворваться в грим-уборную.

– И что из того, что вы тут работаете?

– Я из-за Сергея.

– Из-за какого ещё Сергея? – но Токарева быстро догадалась, – Из-за придурка этого?

– Он, девонька, не придурок. Он контуженный. Давно. На афганской войне. У него в памяти какая-то девушка. Очень на тебя похожая. Ты же портреты в фойе видела? Он их всю жизнь рисует и говорит, что это его Таня. Христом Богом тебя прошу, побудь ты его Таней. Побудь рядом с че-

ловеком, которому и дано-то всего, что память порванная.

– Может мне ещё и поспать с ним?

– Ксюха, ты чего? – подружка попыталась остановить Ксению.

– Не встревай. Не фестиваль, а дурдом какой-то. Идите уже отсюда. Как вас там. Степановна...

– Аркадьевна. Клавдия Аркадьевна.

Клавдия Аркадьевна вспыхнула, но переборола свой гнев.

Приоткрыла дверь и неслышно скользнула в щель.

Ксения приблизилась к дверному проёму.

В коридоре послышалась какая-то возня и приглушённый шёпот.

– Как я сегодня петь буду? – Ксения обернулась к гримёру и подружке, – Все нервы вымотали, – она толкнула с досады стул, задела коленом его острый угол, вскрикнула и бросилась к столу, глотая нахлынувшие слезы.

– За наших, товарищ гвардии старший лейтенант, – Семён Григорьевич протянул Сергею стакан с водкой.

– За наших.

– Прав наш дядя Вася был. Никто кроме нас! – электрик сжал кулак, погрозил кому-то в пустоту, – Никто! Ты когда в Афган пришёл? В восемьдесят шестом. Салага. Салабон ты, лейтенант. Это я тебе говорю, старший сержант Лиховец Семён Григорьевич. Ты куда пришёл? В войнушку поиграть пришёл. А я, – Семён ударил себя в грудь, – на гвардию. Ты понял, лейтенант, еть-перееть. Я на гвардию. А они, я тебе скажу, не духи... Они не пальцем, Сережа, были сделаны. Они не такие рас..., балбесы, как вы потом. Почему вы потом с ними справиться не могли? Потому что вы, лейтенант, уже были эти... Расп... яи. Надеялись на броню, на пушки, на минометы. А я с одним автоматом. Понял, лейтенант? С автоматом. Одним автоматом на гвардию. На Амина. И уделали. Никто, кроме нас! Это я тебе говорю, старший сержант Лиховец Семён Григорьевич.

– Подожди, Григорьич. Ты чо, еврей что ли? – Грачёв покачивался из стороны в сторону и пьяно скалился.

– Сам ты еврей. Я казак! Понял?! Казак! Дед мой был Лиховец. Лихо развеивал. То бишь, беду побеждал. Понял? Еть-перееть. А советские писари в паспорте букву одну по-

теряли. Им по херу было. Единая семья – советский народ, – Семён Григорьевич сунул кусок колбасы в рот и стал жевать, а когда закончил, речь его была уже о другом, – И я тебе скажу. Батяка мой всегда говорил. Опосля той войны мы были одна семья – советский народ. А потом распозаться по углам стали. Как тараканы, Серёга. Как сукины дети. И я Брежнев понимал. Нам нужна была война. Большая война, чтобы мы опять скрепились. Чтобы кровью перепоясались. Лёня откровенно думал: придёт в Афган, и те суки, из-за бугра, на нас попрут. И тогда бы, Серёга, мы им такую кузькину мать, показали. Так бы их, еть-перееть, уделали. И жили бы мы сейчас в одном большом Советском Союзе. За Союз, Серёжа! За Союз! – Семён Григорьевич махнул стакан, что компот выпил, поставил его на стол, припечатал, – Если бы ты, Серёга, понимал, что эти суки потом наделали...

– Григорич! А Татьяна-то моя чего? Не видать?

– Что мне сказать тебе, друг ты мой ненаглядный? Как полкан наш увидел, что бабы штатские тут смущают героев, так такой расколбас устроил. Не опишу. Но выдворил он Татьяну. За гарнизоном живёт, поди, в гостинице. А тебя, товарищ гвардии старший лейтенант Грачёв, на трое суток под домашний арест. Хотели на губу, но в положение вошли.

– Приказа не было.

Семён Григорьевич разлил водку в стаканы, потом полез во внутренний карман рубашки и достал сложенный вчетверо лист бумаги.

– На, читай. Приказ по гарнизону. За нарушение устава внутренней службы, статьи такой-то, пункта такого-то подвергнуть гвардии старшего лейтенанта Грачёва СЭМэ., – Семён Григорьевич внимательно глянул на Грачёва, – Ты у нас гвардии старший лейтенант Грачёв СЭМэ?, – и продолжил читать, – Гвардии старшего лейтенанта Грачёва СЭМэ домашнему аресту сроком на трое суток. Комендант гарнизона, полковник Горохов КаВэ. Дата. Подпись. Печать. Возьмите и исполняйте. За приказ!

– За приказ, – машинально проговорил Серёга и выпил очередной стакан.

Вечерело. Из нахмурившегося неба накрапывал мелкий дождик. В просторной гостиной затопили камин. К хозяину дома, сидящему в глубоком уютном кресле, подошла собака, посмотрела на него пронизательными грустными глазами и улеглась у ног.

– Вот, – указал Рифкат на собаку, качнув в руке бокал вина, – даже она понимает, что в нашем городке всё пошло не так.

Несколько серьёзных мужчин разом кивнули.

– Я не сторонник больших ссор, Рифкат. Ты меня знаешь, – проговорил один из них, – Но оставить этот случай без ответа недостойно мужчины. Не забрать долг тоже нельзя. Так всякий решит, что наши деньги – мусор. А они из наших пота и крови, – говоривший остановился и обвёл взглядом собрание.

Никто не возразил.

– Третейский судья не помог, государство тоже не помогло, остаётся только один верный способ, обратиться к знающим людям.

– К братве? – Рифкат немного подался вперёд.

– Сейчас не девяностые, – парировал говорящий, – Просто есть люди, кто умеет решать вопросы немного другим путём, назидательно и эффективно.

– Если положат Сыча, – вмешался другой, – органы почти сразу придут к Рифкату. Скандал этот как-то уже из нашей среды выполз в свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.